

ХРОНИКА

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ В МОСКВЕ В 1951—1957 гг.

За последние семь лет в Москве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук защитили Е. Э. Липшиц и М. Я. Сюзюмов. Группа молодых исследователей получила ученые степени кандидатов исторических наук.

21 ноября 1951 г. на Ученом совете Института истории АН СССР состоялась защита докторской диссертации Е. Э. Липшиц «Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.».

В диссертации последовательно освещаются проблемы общественно-политического и административного строя империи этого времени, общественные движения, законодательство и право, вопросы литературы, науки, просвещения и искусства.

В сфере социально-экономической истории Византии эти столетия характеризуются интенсивным развитием феодальных отношений. Об этом свидетельствуют развивающийся процесс разложения сельской общины, рост внеэкономического принуждения, закрепощение крестьянства, развитие различных феодальных институтов. В VIII в. наряду с общинным землевладением, бывшим господствующей формой аграрных отношений, в империи развивается крупное феодальное землевладение, наблюдается прогрессирующий рост феодальных форм эксплуатации. Византийское общество VIII—IX вв. пронизывают глубокие классовые противоречия.

В диссертации дан анализ трех крупнейших общественных движений VIII—IX вв. — движения павликиан, иконоборчества и восстания Фомы Славянина. Автор подчеркивает сложный характер иконоборчества: на отдельных этапах движения под флагом борьбы с иконопочитанием выступали весьма различные по своей социальной природе и целеустремленности группировки. Демократическая часть иконоборцев добивалась по существу коренной реформы церковного строя как одной из наиболее ненавистных форм угнетения эксплуатируемых масс. Иконоборцы из высшей светской военной знати, возглавлявшиеся правительством Льва III и Константина V, в реформах видели средство укрепления императорской власти и сохранения централизованного государства, а также надеялись поживиться за счет богатейших земельных владений церквей и монастырей. Важно отметить, что широкие демократические слои восточных провинций, и особенно крестьянство, шли не за иконоборцами, а за павликианами. Размах движения павликиан, масштабы распространения его в массах по существу определили ход развития и судьбы иконоборческого движения. Поэтому становятся понятными стимулы, побудившие императоров Исаврийской династии первоначально вступить на путь иконоборческих реформ, а затем — в условиях перехода павликиан к вооруженному восстанию — отказаться от иконоборчества.

В диссертации большое внимание уделено анализу влияний общественных движений на различные сферы идеологии. Автору удалось проследить развитие прогрессивных течений в формах общественного сознания, проявившихся не только в попытках обновления законодательства, но и в расширении наблюдений над явлениями природы, в первых шагах опытного исследования, в возрождении интереса к трудам ученых античного мира.

В византийской литературе VIII—IX вв. зарождается сатирический жанр, пробуждается интерес к басням, используется более разнообразный, чем прежде, сюжетный материал. В изобразительном искусстве новый дух дает себя знать в стремлении к освобождению от традиционных схем изображения фигур в фас, в распространении тенденций, которые можно было бы назвать натуралистическими, в музыке — в оживлении монотонных мотивов широкими песенными мелодиями.

Вся эта эпоха должна рассматриваться как прогрессивная в истории византийского феодального общества — таков общий вывод диссертации Е. Э. Липшиц.

В оживленной дискуссии по данной работе приняли участие академик Е. А. Косминский, члены-корреспонденты АН СССР Н. В. Пигулевская и В. Н. Лазарев, профессор М. В. Левченко.

В их выступлении диссертация Е. Э. Липшиц получила единодушную высокую оценку. Было отмечено, что ни в советской, ни в русской дореволюционной, ни в зарубежной византиноведческой историографии эпоха иконоборчества не находила еще столь всеобъемлющего и глубокого освещения. Автор диссертации показал себя ученым обширной эрудиции, разносторонним исследователем, большим знатоком источников и литературы вопроса.

В выступлении акад. Е. А. Косминского была подчеркнута большая заслуга Е. Э. Липшиц в изучении социально-экономической истории Византии VIII—IX вв. и в особенности в создании новой концепции славянской колонизации империи. В противоположность утверждениям некоторых буржуазных историков о том, что славяне будто бы лишь мирно «просачивались» в империю, Е. Э. Липшиц показала длительную и упорную вооруженную борьбу между империей и славянскими племенами и объединениями племен и завоевание славянами целых областей Византии. В диссертации прекрасно показана длительная борьба славян против попыток империи вновь распространить свою власть на всю территорию Балканского полуострова. Особенно убедительно доказано наличие глубоких внутренних противоречий и обострение классовой борьбы в византийском обществе VIII—IX вв. Однако всю совокупность народных движений этого периода хотелось бы более тесно и ясно связать с теми противоречиями, которые характеризуют предшествующий VII век и которые знаменуют падение рабовладельческого строя и начало феодального. По мнению Е. А. Косминского, Е. Э. Липшиц склонна несколько преувеличивать степень развития феодализма в Византии в VIII—IX вв.

Н. В. Пигулевская отметила большую научную ценность новой трактовки VIII—IX вв. — обычно именовавшихся «темными веками» в истории Византии — как периода прогрессивного. Е. Э. Липшиц справедливо связывает подъем во всех областях жизни Византии с социальными движениями, с глубокими изменениями в характере экономических отношений, с развитием нового общественного строя. Однако в работе такого масштаба должен быть более широко поставлен вопрос о переходе от рабовладельческого строя к феодализму. Е. Э. Липшиц не дает четкого ответа, когда и как произошел переход к феодализму, и фактически отка-

зывается от признания революционного момента в этом процессе. Слишком большое значение придается славянской колонизации, которая, бесспорно, сыграла значительную роль в формировании византийского феодализма, но не была единственным фактором в этом сложном процессе. В разделах, посвященных народным движениям, следовало провести параллели с такими социальными движениями на Востоке, как манихейство и маздакизм, которые оказали несомненное влияние на распространение и развитие павликианства. Характеристика иконоборчества затрагивает преимущественно лишь социальную и идеологическую стороны движения, а такие политические вопросы, как борьба высшей светской и духовной власти, отношения с папским престолом, с халифатом, не нашли отражения в диссертации. На протяжении всей работы Е. Э. Липшиц говорит о сохранении рабства в Византии. Было бы правильнее более точно определить роль рабства как уклада в раннефеодальной Византии и, таким образом, установить соотношение между распространением рабства и свободных крестьянских общин.

М. В. Левченко, как и Е. А. Косминский, отметил невнимание автора диссертации к вопросам классовой борьбы в Византии в VII в., борьбы, обусловившей, как известно, окончательный крах рабовладельческой империи. В диссертации же не показано, в результате чего возник тот социальный строй, развитие которого является темой исследования. Е. Э. Липшиц правильно подчеркивает прогрессивность изучаемой ею эпохи, но из ее положений можно заключить, что в Византии совершенно не было упадка культуры в VII—IX вв. по сравнению с IV—VI вв.

В выступлении В. Н. Лазарева были подвергнуты анализу разделы диссертации, освещающие вопросы византийской культуры VIII—IX вв., посвященные Иоанну Дамаскину, Никифору, Иоанну Грамматику, Касии и Льву Математику. Очень хорошо, подчеркнул он, охарактеризовано в исследовании народное направление в искусстве, представленное Хлудовской псалтырью. Однако анализ философских течений VIII—IX вв., в частности разбор философских основ спора иконоборцев с иконопочитателями, мог бы быть более обстоятельным. По мнению В. Н. Лазарева, Е. Э. Липшиц склонна несколько преувеличивать прогрессивные тенденции в политике императоров-иконоборцев.

В заключительном слове Е. Э. Липшиц, приняв ряд замечаний оппонентов, подчеркнула, что в диссертации сознательно были обойдены некоторые вопросы (проблема перехода от рабовладения к феодализму, классовая борьба в Византии в VII в.), поскольку они сами по себе заслуживают специальной исследовательской работы. Замечания Н. В. Пигулевской относительно связи павликианского движения с манихейством и маздакизмом, по мнению Е. Э. Липшиц, следует отклонить, ибо имеющийся материал источников не позволяет провести подобных параллелей. Диссертант не согласился и с замечаниями по поводу трактовки восстания Фомы Славянина: это движение было действительно народным, но в итоге оно было использовано другими социальными группами, в силу чего и оказалось разгромленным.

Ученый совет Института истории АН СССР единогласно присудил Е. Э. Липшиц ученую степень доктора исторических наук.

17 мая 1954 г. на заседании Ученого совета Института истории состоялась защита докторской диссертации М. Я. Сюзюмовым на тему «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма».

Оппоненты М. Я. Сюзюмова — акад. Е. А. Косминский, чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, доктора ист. наук М. В. Левченко и Е. Э. Лип-

шиц, канд. ист. наук Э. В. Удальцова единодушно отметили, что его работа является крупным вкладом в советскую историческую науку. В диссертации М. Я. Сюзюмова, основанной на тщательном изучении большого количества источников и литературы вопроса, собран богатый и исключительно интересный материал по социально-экономической истории византийского города. Но что особенно придает интерес работе М. Я. Сюзюмова, — это смелость постановки проблем, решительность в отстаивании своих мнений. Во многом работа М. Я. Сюзюмова может явиться образцом творческого применения марксистской теории к конкретно-историческому материалу столь сравнительно отдаленной эпохи.

По мнению М. В. Левченко, основной заслугой М. Я. Сюзюмова является постановка вопроса о специфике крупного византийского города и об особенностях византийского пути развития феодальных отношений. Поскольку развитие аграрных отношений в Византии протекало в целом так же, как и на Западе, своеобразии византийского пути развития феодализма следует объяснять не столько аграрным развитием, сколько сохранением в ней мощных торговых городов.

Такие крупные центры, как Константинополь, Фессалоника, возникли не в процессе отделения ремесла от сельского хозяйства, как это отмечается в отношении западноевропейских городов, но явились прямым продолжением античных городов. Они были центрами производства и торговли предметами роскоши как для Западной Европы, так и для самой Византии. М. Я. Сюзюмов делает ценное наблюдение, что в производстве предметов роскоши на внешний рынок труд рабов мог сохраняться, поскольку на внешнем рынке товары, как правило, продавались выше стоимости, в связи с чем нерентабельность рабского труда могла и не ощущаться так остро, как в производстве предметов для внутреннего рынка. Показывая процесс превращения старых эллинистических городов в города феодальные, М. Я. Сюзюмов правильно объясняет, почему византийский город не дорос в дальнейшем до капиталистических отношений, хотя в византийских городах-эмпориях и имелись элементы, необходимые для перехода к ранним формам капитализма (развитие частной собственности, отношения найма, зародыши рынка труда). Разбирая этот вопрос, автор в первую очередь останавливается на расстановке классовых сил в Византии в период генезиса феодализма, на классовой борьбе на разных этапах византийской истории: в период иконоборчества, при Македонской династии, в период развитого феодализма в Византии. В исследовании М. Я. Сюзюмова правильно показано, что византийские торговые города использовали свое политическое влияние не на развитие общенациональных интересов, но противопоставляли узкие интересы городской знати интересам развития производства всей страны, а на поздних этапах феодализма фактически препятствовали развитию капиталистических отношений, развитию национального рынка и тем самым затрудняли начало процесса складывания нации.

Автор правильно объясняет, почему византийские цехи не имели такого сплочения, той относительной силы, которую имели средневековые цехи многих западноевропейских стран. Здесь прежде всего играло роль то, что византийские цехи не имели непосредственно связанных с цехом подмастерьев, использовали рабов и нанимали на определенный срок мистиев, не чувствовавших органической связи с цехом.

Давая в целом высокую оценку труду М. Я. Сюзюмова, М. В. Левченко оспаривает его предположения о наличии в Византии элементов капиталистической мануфактуры. М. В. Левченко считает также ошибочным утверждение автора, будто положение рабов не претерпело никаких изме-

нений к лучшему в византийское время по сравнению с античностью, т. е., что развитие феодальной формации никак не отразилось на положении рабов. Оппонентом были отмечены также и некоторые другие недостатки: неравномерное использование различных видов источников (в частности, автор мало использовал папирусы), погрешности в терминологии и т. д.

Доктор исторических наук Е. Э. Липшиц, подчеркнув общий высокий уровень диссертации М. Я. Сюзюмова, особо отметила убедительность его утверждения, что «в основном производительные силы византийского города-эмпории (в период генезиса феодализма) имели тот же характер, что и в последние века Римской империи». С этим положением связан и другой важный вывод автора диссертации, а именно, что производительные силы уже в последние века Римской империи переросли рабовладельческие отношения. Не вызывает возражения также утверждение автора о значительной роли рабовладельческого уклада в Византии VII—XI вв.

Но некоторые положения диссертации представляются Е. Э. Липшиц спорными. Прежде всего это касается принципа использования источников. Автор, как правило, не обращает внимания на хронологию привлекаемых им источников и использует их, совершенно не считаясь с временем и местом их возникновения. Спорной, по мнению Е. Э. Липшиц, является и периодизация, которой придерживается М. Я. Сюзюмов (М. Я. Сюзюмов считает период от IV по VII в. последними веками Римской империи, а VII—XI века — периодом генезиса феодальных отношений). Как и М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц считает несостоятельной попытку М. Я. Сюзюмова отрицать наличие каких-либо существенных изменений в экономическом положении рабов в Византии, ссылаясь на то, что рабство юридически не было отменено. В действительности первоначальные законоположения, удерживавшиеся по традиции, существенно модифицировались, не говоря уже об изменении экономического положения раба в Византии. В силу коренным образом изменившихся условий общественной жизни, перешагнувшей из рабовладельческой формации в феодальную, между рабом средневековья и его античным собратом было, вероятно, меньше общего, чем между ним и средневековым крепостным. По мнению Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов допускает некоторую тенденцию к модернизации в трактовке вопроса о мистиях и в употреблении некоторых терминов.

Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская отметила правильность утверждения автора о том, что в большом торговом и производственном центре, каким являлся Константинополь, развитие производственных отношений имело свои особенности. Здесь действительно существовали такие экономические условия, которые вытекали из своеобразия большого города с обширной территорией, как, например, внешняя торговля, активизировавшая производство, наличие морских гаваней и т. д. Однако нельзя согласиться с автором диссертации, когда он говорит о «неестественности» условий развития такого города-эмпории. Появление такого типа крупных городских центров в раннем средневековье может быть отмечено не только в Византии, но и в Иране, Армении и других государствах на Востоке, где торговля и ремесло вызывали их к жизни, несмотря на процесс феодализации. Это отнюдь не случайное явление, а закономерное, так как товарное производство существовало и обслуживало как рабовладельческое, так и феодальное общества.

Нельзя согласиться и с одним из основных положений диссертации — о единой линии развития от «упадка рабовладельческого общества на Западе» до «полного установления феодальных отношений в Византии». Производственные традиции действительно могли в известной мере сохра-

няться, однако между IV и XI вв. произошли в общественной жизни Византии глубокие перемены. Рабовладельческий строй был окончательно подорван и продолжал существовать лишь в форме уклада, в деревне энапографы и колонны с разной степенью прикрепления уступили место свободному крестьянству, а также парикам и мистиям. Такие социальные сдвиги не могли произойти без заметного влияния на производственные отношения в городе. Ремесло и торговля IV и X вв. имеют черты глубокого различия.

Не вполне убедительна и характеристика мистиев, которым М. Я. Сюзюмов приписывает черты, присущие наемным рабочим городов более позднего времени. Зависимость мистия, по мнению автора, особого рода и характерна для разных общественных формаций. Между тем известно, что мистии в условиях развития феодализма быстро попадали в положение феодально зависимых париков.

Вызывает возражение и постановка вопросов о монастырских мастерских, квалифицируемых автором как искусственное явление, о пекулии, о хозяйстве проастиев.

Однако некоторые недочеты не умаляют высоких качеств труда М. Я. Сюзюмова, заслуживающего в целом самой положительной оценки.

Кандидат исторических наук Э. В. Удальцова отметила новаторский дух работы М. Я. Сюзюмова, смело поднимающей многие спорные вопросы социально-экономической истории Византии. Автору успешно удалось показать характер производительных сил византийского города, наметить основные линии их развития в период генезиса феодализма, дать характеристику различных слоев населения византийского города. В диссертации раскрыты формы и методы эксплуатации трудового городского населения, рассмотрен вопрос об особенностях византийских торгово-промышленных корпораций и их внутренней структуры, показаны доходы городской знати Византии и ее роль в управлении городом. Спорным моментом диссертации является вопрос о рабовладельческом укладе. Центр тяжести исследования с изучения формирования феодальных отношений перемещен на углубленный анализ пережитков рабовладения в византийском городе. Такая направленность исследования ведет к преувеличению масштабов сохранения рабства и искажает общую историческую перспективу развития феодализма в Византии.

Неоспоримой заслугой автора является его критика взглядов буржуазных историков на проблему перехода от рабовладения к феодализму в Римской империи. Политический смысл и полная научная несостоятельность этих теорий хорошо вскрыты в диссертации.

Э. В. Удальцова согласна с другими оппонентами, критиковавшими тезис М. Я. Сюзюмова о неизменности правового положения рабов на протяжении всего существования Византийской империи. В работе следовало бы вскрыть серьезные изменения в реальном экономическом положении рабов, особо подчеркнуть вопрос о роли классовой борьбы в этом процессе.

К сожалению, вопросам классовой борьбы угнетенных масс городского населения автор не уделяет должного внимания, приводит мало фактов, явно недостаточно используя источники.

Кроме того, в диссертации следовало бы остановиться не только на городах, в той или иной степени сохранившихся от античности, но и на новых городах, на анализе их внутреннего строя.

Отвечая своим оппонентам, М. Я. Сюзюмов подтвердил свой вывод о сохранении рабовладельческого уклада в городе и в пригородном хозяйстве в противоположность сельским районам, где труд рабов не находил

большого применения. Правовое положение рабов оставалось прежним, ибо как и в Римской империи, так и в Византии раб не имел ни права собственности, ни права владения имуществом. Положение рабов изменилось лишь в том отношении, что в византийское время у рабов были несколько большие возможности освобождения, чем у античных рабов.

Полемизируя с Е. Э. Липшиц по вопросу о мистиях, М. Я. Сюзюмов подчеркнул, что нельзя усмотреть элементов феодальной зависимости в статусе городских мистиев. Это было временное состояние, после чего мистий превращался или в люмпен-пролетария, или в монаха, или даже в свободного ремесленника. Но нельзя говорить и о том, что мистий был уже «наемным рабочим» — это было бы явной модернизацией.

Возражая оппонентам, М. Я. Сюзюмов отстаивал возможность использования источников разных эпох, когда речь идет об имущественных отношениях, сохраняющихся в течение длительного времени. Непрерывность действия ряда факторов в византийском городе с VI по XI век позволяет, по его мнению, учитывать данные и египетских папирусов VI в., и законодательства Юстиниана, и Василик, и Арменопула.

Ученый совет Института истории АН СССР единогласно присудил М. Я. Сюзюмову степень доктора исторических наук.

* *
*

За эти же годы в Москве было успешно защищено семь кандидатских диссертаций.

В Институте истории АН СССР 5 марта 1951 г. состоялась защита диссертации П. О. Карышковского (Одесса) на тему: «Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967—971 гг.».

В этой источниковедческой по характеру работе автор, наряду с углубленным анализом большого числа исторических источников, трактующих о византийско-русских и русско-болгарских связях X в., останавливается на разрешении двух центральных проблем: пересмотре хронологии балканских походов русского князя Святослава и выяснении характера русско-болгарских отношений той эпохи. П. О. Карышковский дает новую хронологию походов Святослава, датируя первый поход летом 968 г., второй — концом лета 969 г. и окончание войны — 971 г. Автор показывает, что в ходе этой русско-византийской войны болгарский народ совместно с войсками князя Святослава принимал активное участие в борьбе против Византии. Военное содружество русских и болгар привело к созданию союза двух родственных славянских народов, который имел первостепенное политическое значение в развитии международных отношений того времени.

Автор диссертации рисует князя Святослава крупным политическим деятелем, а не «грубым и жестоким варваром», каким часто изображали Святослава некоторые реакционные буржуазные историки. В диссертации доказано, что русско-византийская война 968—971 гг. — боевое сотрудничество русских и болгар — была для своего времени крупнейшим событием международного значения. Активное участие Руси в балканских делах не было случайностью, но вызывалось естественным стремлением складывающегося русского государства к объединению восточнославянских земель и к установлению своего контроля в решающих пунктах торговых путей, соединяющих причерноморские страны. Такой державой все время пыталась стать Византия, и поэтому неустрашимым стало русско-византийское столкновение.

Оппоненты диссертанта М. В. Левченко и З. В. Удальцова указали

П. О. Карышковскому на необходимость привлечения материала по внутренней истории Болгарии и более глубокого изучения ее экономических, политических и культурных связей с Русью. Это дало бы возможность автору значительно углубить свои основные выводы и, в частности, с большей полнотой и четкостью показать расстановку классовых сил в Болгарии во время походов Святослава.

Работа П. О. Карышковского свидетельствует о прекрасном знакомстве автора с широким кругом греческих, славянских и восточных памятников. Однако характеристики политических взглядов и социальной направленности некоторых историков и хронистов несколько суммарны и не всегда достаточно отчетливы. Вызывают возражение склонность автора несколько преувеличивать значение хроники Иоанна Скилицы и непропорциональная недооценка и противоречивость в характеристике «Истории» Льва Диакона, современника событий. Неоправданным выглядит нигилистическое отношение автора к такому источнику, как «Записка греческого топарха». Излишне много внимания уделяется разбору малозначительных источников (Манасси, Михаил Глика, Ефрем).

Вопросам аграрной истории Византии посвящены кандидатские диссертации аспирантов Института истории АН СССР М. М. Фрейденберга и К. А. Осиповой.

Диссертация М. М. Фрейденберга «Аграрные отношения в Византии XI—XII вв.», защита которой состоялась 5 января 1953 г., ставит своей задачей изучение процесса формирования феодальной собственности на землю и закрепощения крестьянства в Византии XI—XII вв.

Автор считает, что в Византии процессу закрепощения крестьянства феодалами предшествовал период подчинения сельской общины государством, в результате чего на общину был возложен тяжелый груз централизованной ренты. Анализируя процесс разложения сельской общины, автор отмечает ряд особенностей византийской общины, наиболее существенной из которых является сохранение в руках общинников значительных прав на надел их соседа. Эта особенность способствует тому, что византийская сельская община проявляет известную устойчивость в борьбе с крупным феодальным землевладением. В работе исследуется процесс вовлечения крестьянства в феодальную зависимость, причем особое внимание автора привлекают вопросы о развитии присельничества и роли имунитета в укреплении феодальной собственности в Византии XI—XII вв.

В работе дается характеристика различных типов византийской вотчины XI—XII вв. Автор рассматривает монастырскую вотчину, где право собственности на землю сосредоточено в руках вкладчиков и отдельных монахов и лишь внешне объединено общим титулом верховной собственности монастыря.

Другая разновидность вотчины — проастиий, хозяйство которого ведется в значительной мере руками мистиев и рабов, а также крестьян-присельников. Третий тип вотчины, по мнению автора, создается в результате передачи государством феодалу права на государственные налоги крестьян («деревня под патронатом»). Феодальная собственность на землю здесь вырастает в процессе длительного освоения крестьянской землей помещиком, а владельческие права крестьян отличаются большой устойчивостью. Как разновидность вотчины автор рассматривает и близкие к пронии стратиотские держания XI—XII вв. Диссертация завершается разделом о классовой борьбе в Византии XI—XII вв.

В отзывах официальных оппонентов профессора М. В. Левченко и кандидата исторических наук А. П. Каждана была отмечена правильность основных положений диссертации. Одобрение оппонентов вызвали разделы

о борьбе за землю внутри класса феодалов, о положении мистиев. Удачно дан анализ иммунитетных прав византийского феодала, воплощающихся в понятии «экскуссия». Содержание экскуссии не исчерпывалось предоставлением прав податного иммунитета. Запрещая вход на территорию экскуссата податным чиновникам различных рангов, государство уступало феодалу всю сумму их административных и судебных прав, усиливая тем самым внеэкономическое принуждение, закрепляя власть феодала над крестьянами.

Предложенная автором классификация типов вотчины встретила некоторые возражения. Было отмечено отсутствие в работе единого принципа для классификации вотчин и неполнота в характеристике их отдельных типов. Спорными являются некоторые выводы автора относительно патроната, в частности, лишено убедительности противопоставление М. М. Фрейденбергом раннего и позднего патроната. Некоторая неясность и противоречивость свойственны концепциям автора по очень сложным и спорным вопросам об экскуссии и о развитии прони.

2 июля 1953 г. состоялась защита диссертации К. А. Осиповой на тему: «Положение крестьянства в Византии в X в.».

Свою тему автор разработал в тесной связи с рядом общих вопросов аграрной истории Византии этого периода. В диссертации дан подробный анализ византийской сельской общины X в., причем особо акцентирован процесс ее интенсивного внутреннего разложения. Большое внимание уделено изучению государственной налоговой системы, выяснению роли аллиенгия как важнейшего орудия эксплуатации византийского общинного крестьянства. Исследуя формы вовлечения крестьян в феодальную зависимость, К. А. Осипова рассматривает модификацию арендных отношений, положение мистиев, вопрос о роли государственных пожалований париков и некоторые проблемы развития экскуссии. Анализ аграрного законодательства Македонской династии приводит автора к выводу об антинародном характере аграрной политики Византийского государства, защищавшего интересы тех или иных слоев господствующего класса. Последний раздел работы посвящен народным движениям в Византии X в.

Диссертация К. А. Осиповой была положительно оценена официальными оппонентами проф. М. В. Левченко, канд. ист. наук З. В. Удальцовой, канд. фил. наук И. К. Кусикьяном. Наиболее интересной и ценной была признана первая глава работы, посвященная анализу внутреннего строя византийской общины. Вполне положительную оценку получила и попытка автора проследить эволюцию, которую византийская налоговая система претерпела к X в. В разделе о стратиготах хорошо показан процесс разложения системы стратиготского землевладения в X в.

Характеристика аграрного законодательства X в. в целом правильна, но нуждается в некоторых уточнениях. Так, необходимо было бы несколько подробнее остановиться на особенностях политики отдельных императоров Македонской династии. Это дало бы возможность избежать некоторого схематизма в анализе ожесточенной борьбы внутри господствующего класса Византии X в. Отмечалось также, что автор, по-видимому, несколько преувеличивает наличие пережитков более ранних форм общины в Византии X в., в частности, пережитков семейной общины. Следовало также в диссертации несколько расширить главу о народных движениях, включив в нее, в частности, материалы о павликианстве и богомилстве.

Кандидатская диссертация аспиранта исторического факультета МГУ Г. Г. Литаврина «Борьба болгарского народа против византийского ига (XI—XII вв.)» была защищена 27 октября 1954 г.

Г. Г. Литаврин поставил своей задачей изучение положения народных масс Болгарии в период византийского господства и их роли в освободительном движении против Византийской империи.

Используя широкий круг источников, автор дал очерк социально-экономического развития Болгарии в XI—XII вв.

В диссертации показано, что налоговый гнет в Болгарии был тяжелее, чем в других областях империи. Рента, выплачивавшаяся болгарским крестьянством феодалам и Византийскому государству, нередко включала не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Анализ формул обмеров крестьянской земли при обложении ее налогами дал возможность автору установить злоупотребления византийских налоговых чиновников, в результате которых крестьянские участки облагались налогами, значительно превосходившими суммы обложения, определяемые законом. Византийское господство принесло Болгарии нищету, разорение и замедление процесса экономического и культурного развития страны. Освещая ход и характер борьбы болгарского народа против византийского ига, Г. Г. Литаврин особо подчеркнул остроту и сложность социальных отношений среди участников освободительного движения, уделил внимание выявлению внутренних противоречий в их среде. Хорошо показано в диссертации участие в восстаниях XII в. влахов в качестве постоянных союзников болгар в борьбе против Византийского государства.

В ходе обсуждения диссертации были высказаны некоторые критические замечания. Проф. М. В. Левченко (официальный оппонент) отметил, что при изучении экономической истории Болгарии автор не всегда достаточно учитывает внешнеполитическое положение страны. Поэтому, по мнению М. В. Левченко, в диссертации несколько преувеличен уровень развития ремесла и торговли в Болгарии — стране, подвергавшейся постоянным опустошительным нашествиям со стороны внешних врагов. Второй официальный оппонент проф. С. А. Никитин счел неправомерной тенденцию автора диссертации к распространению данных источников местного значения на всю территорию Болгарии. В результате этого автору не в полной мере удается выявить различия в положении отдельных районов страны. Были высказаны также пожелания о необходимости более тщательного обоснования некоторых других выводов и утверждений автора, в частности, его мнения об участии в освободительном движении болгарской феодальной знати.

Темой диссертации аспиранта Московского городского педагогического института А. М. Чипериса, защищенной 30 декабря 1954 г., является экономическое развитие и классовая борьба в крымских городах в 30—70-х годах XV в. В диссертации рассматриваются экономическое развитие крымских городов (преимущественно Каффы и Чембало), борьба местного населения против генуэзского господства и местной торгово-ростовщической верхушки.

В отзывах официальных оппонентов доктора исторических наук А. С. Самойло и кандидата исторических наук Э. В. Удальцовой были отмечены несомненные достоинства работы А. М. Чипериса. К их числу, в частности, относится то, что автор вполне аргументированно разоблачает созданные буржуазной историографией апологетические легенды о колонизаторской деятельности генуэзцев и опровергает фальсификаторские теории «о дикости» местного населения. К лучшим страницам диссертации относятся и те, на которых дан тщательный анализ экономического положения различных социальных групп населения Каффы. А. М. Чиперис на основании новых археологических материалов убедительно доказывает, что Каффа была не только торговым городом, поддерживавшим тесные связи

с Востоком и Западом, но и крупным центром ремесла с высоким уровнем производства. Хорошо показана в диссертации хищническая политика генуэзского патрициата по отношению к населению Каффы и борьба последнего против эксплуатации генуэзцев. Интересно трактуется вопрос о турецком завоевании Каффы: автор отмечает, что благодаря решительному сопротивлению народных масс города удалось отразить натиск турок в 1454 г. и падение Каффы было отсрочено до 1475 г. В то же время в диссертации приводятся данные о предательской политике генуэзского патрициата и торгово-ремесленной верхушки Каффы, пошедших во имя своих классовых интересов на соглашение с завоевателями.

Недостатком работы диссертанта является слишком широкая постановка вопросов, в результате чего изложение местами носит следы схематизма и социологизации. Автор иногда делает слишком смелые выводы и обобщения, не подкрепляя их вполне убедительными данными источников. Следовало резче подчеркнуть феодальный характер колонизаторской деятельности генуэзцев в Крыму и вообще сделать более четкие выводы об особенностях колонизаторской политики генуэзцев в Крыму.

26 октября 1955 г. на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита кандидатской диссертации Е. Б. Веселаго «Византийский историк XV в. Лаоник Халкокондила как источник по истории средневековой Албании».

Значение Лаоника Халкокондила не исчерпывается его ценностью как историка Византии. Никто из современных ему византийских писателей не сохранил нам столько сведений о других странах — Албании, Венгрии, Италии, Франции, Боснии, Сербии, Руси, — сколько мы находим в его «Истории». Особое место Халкокондилу принадлежит еще и потому, что он единственный из византийских историков XV в. очень полно осветил борьбу народов за их самостоятельность и независимость от турок, уделив при этом особое внимание народам Юго-Восточной Европы, населяющим в настоящее время страны Народной демократии. Особенно большой интерес вызывают известия Халкокондила об Албании, поскольку источников по этой стране сравнительно мало.

В диссертации Е. Б. Веселаго рассматриваются важнейшие сведения, сообщаемые Халкокондиллом о происхождении албанского народа, его появлении на Балканах, о расселении албанцев, росте их политического значения, деятельности их вождей, о методах организации сопротивления врагам. С особым вниманием автор исследует материалы Халкокондила о крупнейших восстаниях албанского народа против господства турок: о восстаниях Арианита Комнина, Депана, Зенемписа и о восстании пелопоннесских албанцев 1454 г.

В работе дан источниковедческий и литературный анализ «Истории» Лаоника Халкокондила. Памятник тщательно исследован с точки зрения критики текста. Приведены подробные сведения о рукописной традиции Халкокондила, охарактеризованы отдельные группы рукописей, их зависимость от оригинала. Большой интерес представляет разработка Е. Б. Веселаго вопросов композиции, изобразительных средств, языка, стиля Халкокондила. В диссертации уточняются некоторые спорные хронологические вопросы, полно и четко воссоздается биография Халкокондила, рассматривается его научная и политическая деятельность, его мировоззрение. Автор убедительно аргументировал свои выводы о патриотизме Халкокондила, показал несостоятельность теории о туркофильских склонностях Халкокондила, которая была довольно широко распространена в зарубежной историографии. Очень удачен анализ таких черт мировоззрения Халкокондила, которые допускают некоторые сопоставления

с идеями гуманистов: его интерес к вопросам естественной истории, географии, его стремление узнать как можно больше о жизни различных стран и народов. Для Халкокондила характерны безразличное отношение к религии, пренебрежение к папам, полное игнорирование монашества. Гуманистические мотивы проявляются у Халкокондила в высокой оценке греческого языка, в использовании некоторых характерных для гуманистов литературных приемов (вставные эпизоды — новеллы, приключенческие рассказы, описания различных стран и т. д.).

Критические замечания оппонентов чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской и канд. ист. наук Э. В. Удальцовой вызвали разделы диссертации, посвященные внутренней истории средневековой Албании. В работе не дано четкого ответа на вопрос об особенностях развития феодализма в этой стране, о положении народных масс и их участии в освободительном движении (в частности, в движении Арианита). Полнее следовало бы аргументировать утверждения о македонском происхождении албанцев и о внутренних причинах становления и консолидации албанской народности. По мнению выступавших, диссертант как бы забывает иногда о противоречиях во взглядах Халкокондила, противоречиях, порожденных условиями того времени. Автору следовало шире применить сравнительный метод исследования для проверки известий Халкокондила.

Средневековая история Херсонеса, его взаимоотношения с Византией и Русью исследуются в кандидатской диссертации Д. Л. Талиса «Средневековый Херсонес», защищенной 7 июня 1956 г. в Институте истории материальной культуры АН СССР.

Главное внимание автор уделил выяснению особенностей исторического развития Херсонеса в раннее средневековье. В отличие от других городов, существовавших в Таврике в античную эпоху и к концу ее аграризировавшихся, Херсонес до середины VI в. сохранял свое экономическое и политическое значение. По мнению Д. Л. Талиса, в IV—VI вв. в Херсонесе не наблюдалась упадка в развитии ремесла, большое значение сохраняла торговля, составлявшая вместе с ремеслом основу экономики города. История Херсонеса в этот период еще тесно связана с предшествующей античной эпохой, о чем свидетельствует большая устойчивость социально-экономических институтов, существовавших в первые века новой эры, в частности, сохранение рабовладельческих отношений. Кризис назревает лишь на рубеже первой и второй половины VI в. Лишь тогда резко сокращаются масштабы ремесленного производства, натурализуется сельское хозяйство, проявляется упадок торговли, прекращается чеканка монеты, Херсонес теряет значение крупного экономического центра и превращается в военно-административный пункт и место пребывания епископа.

Новый подъем экономики Херсонеса, в значительной степени обусловленный развитием экономических связей города с Византией и Русью, происходит в IX—X вв.

В IX—X вв. Херсонес является форпостом Византии против Русского государства. Через Херсонес осуществлялось натравливание кочевников на Русь, к Херсонесу сходились нити всех политических интриг, которые задумывались и осуществлялись Византией с целью ослабления позиций Руси в Северном Причерноморье.

Поход князя Владимира на Херсонес, завершившийся взятием города и разрушением значительной его части, и резкое изменение экономической конъюнктуры в XI в. явились рубежом, завершившим историю Херсонеса в эпоху раннего средневековья.

Обсуждение диссертации Д. Л. Талиса вылилось в оживленную дис-

куссию, в которой наряду с официальными оппонентами проф. А. В. Арциховским и Э. В. Удальцовой приняли участие А. В. Банк, А. Л. Якобсон и проф. В. Д. Блаватский.

Было отмечено, что к числу несомненных достоинств работы Д. Л. Талиса следует отнести его стремление привлечь для разрешения основной задачи — изучения экономической и социальной истории Херсонеса — новейшие достижения советской археологии, широко использовать самые разнообразные памятники материальной культуры. Опираясь на этот материал, автор сделал ряд интересных наблюдений, особенно в отношении ремесла и, в частности, керамики, костерезного дела, обработки металлов. Интересна выдвинутая автором гипотеза о наличии в Херсонесе если не цеховой организации, то ее зачатков, например элементов регламентации в черепичном производстве.

Но не все утверждения автора диссертации достаточно убедительно подкреплены данными источников. Так, было отмечено, что мнение Д. Л. Талиса о времени перехода Херсонеса от рабовладельческого строя к феодальному (рубеж VI—VII вв.), по-видимому, правильно, но нуждается в дальнейшей аргументации, ибо автор приводит довольно ограниченные, единичные сведения о рабовладельческих отношениях в Херсонесе V—VI вв. и вовсе не сообщает данных, говорящих о зарождении феодализма. Нет еще достаточной ясности и в определении общественных отношений в Херсонесе в IX—X вв. Автор ограничился общей характеристикой товарного хозяйства, которое, как известно, в той или иной степени существует в условиях различных социально-экономических формаций и в связи с этим не может само по себе достаточно характеризовать общественный строй того или иного периода.

Ряд замечаний, очень ценных для дальнейшей работы над проблемой, был сделан выступавшими в прениях А. В. Банк и А. Л. Якобсоном.

К. А. Осипова

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ ВИЗАНТИЙСКОЙ И НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С 15 по 19 апреля 1957 г. в Берлине (ГДР) проходила научная конференция по вопросам византийской и новогреческой литературы, созванная по инициативе Германской Академии наук. Организация конференции была осуществлена Берлинским институтом греко-римских древностей (директор проф. И. Ирмшер). Наиболее активное участие в подготовке и проведении конференции принимала группа византинистов, работающих в этом институте.

Идея организации конференции нашла широкую поддержку почти во всех странах, где ведется научное изучение истории византийской и новогреческой литературы. 52 человека выразили желание выступить с докладами и сообщениями. Уже один только этот факт явился ярким показателем того, насколько велико у ученых различных стран, работающих в одной и той же области, стремление установить научные связи и личные контакты. Можно сказать, что конференция приняла международный характер. В ее работе участвовали делегаты 15 европейских стран: Австрии, Англии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Респуб-